

Глава 2. Последнее предсказание

Примечание. Так как это историческая новелла, я собираюсь использовать старый способ написания наименования Пекин – просто для того, чтобы создать ощущение, что действие происходит в эпоху, пока метод романизации Пекина еще не был исправлен. Для Китайцев Пекин всегда оставался Пекином. Для остального мира все выглядит так, как будто Китайская республика сменила способ написания имени своей столицы, как только узнала о том, что старый способ был неправильным.

Е Сяотянь в свои 19 лет был мужчиной в самом расцвете молодости. Его семья жила в Пекине на улице Сюаньху к западу от переулка Кузи. Он служил надзирателем в первом подразделении тюрьмы Министерства юстиции, которое называлось Черное слово. Благодаря своей проницательности и незаурядному уму в начале 8-го года правления Ваньли он получил повышение до должности начальника Черного слова от господина Лю, ответственного за управление всеми тюрьмами.

Должность тюремщика он унаследовал от отца. Эта должность передавалась в семье из поколения в поколение согласно порядку, установленному императором Хуну, при котором сын обязан был преуспеть в работе своего отца, чтобы увековечить семейное наследие.

Суть этого порядка заключалась в том, что если мальчик рождался в семье солдата, то и сам обязан был служить в армии. Если жена в такой семье не могла родить сильного и пригодного для службы мальчика, то следовало выбрать ребенка из ближайших родственников. Если и среди родственников не было подходящего наследника, то позволялось использовать любые методы, чтобы подобрать кандидата на вакантное место, в том числе взять ребенка с улицы или даже украсть. Люди были готовы на все при поиске годного к службе мальчика, который исполнил бы долг.

Если же вы из семьи работников кухни и все еще не научились поджаривать к моменту, когда ваш старик упал замертво, то, конечно же, не сможете готовить. Но не беспокойтесь, когда придет время выбирать нового повара, вы возможно даже не сможете зажечь огонь в очаге. В любом случае, еда, которую бы вы приготовили, вряд ли бы оказалась съедобной. А если вы из семьи медиков и совсем ничего не понимаете в медицине... Что ж, самое время для минуты молчания в честь ваших будущих пациентов.

Должность тюремщика была передана в соответствии с этим порядком отцу Е как единственному на тот момент наследнику в семье. Однако, он оказался очень добросовестным работником, а позже неожиданно для себя оказался отцом мальчиков – близнецов. Старшего называли Е Сяоань, а младшего – Е Сяотянь. Появление на свет Сяотянь стало сюрпризом для всех, что и отразилось на имени нашего героя. «Тянь» в его имени означает «добавочный», то есть просто еще один сын.

Е Сяотянь невзлюбил это прилипшее к нему прозвище, но раз уж люди привыкли его так называть, момент для того, чтобы выбрать себе новое имя был упущен. Тем не менее, после долгих споров с отцом было принято решение изменить значение «тянь» в его имени на другой иероглиф, который означал «небеса»[1].

Поскольку должность отца Е могла быть передана только одному из двух сыновей, логичным было предположить, что она должна достаться родившемуся первым Е Сяоань. Но случилось так, что пока Е Сяоань был еще маленьким, с ним произошла жуткая история. Однажды, подняв одеяло, он обнаружил под ним змею Цайхуа, которая уползла из соседнего ресторана и затаилась в кровати. С тех пор мальчик стал очень робким и тихим.

Отец Е, подумав о том какого сорта люди находятся в Небесной тюрьме, пришел к выводу, что его чересчур покладистому сыну там не место. Поэтому, он решил отдать старшему наследнику все свои сбережения, чтобы тот открыл мастерскую по производству рисового масла. А обязанность пойти на службу в тюрьму легла на плечи второго сына, то есть Е Сяотянь.

Итак, Е Сяотянь вернулся в Небесную тюрьму после похода за покупками для помощника министра Хван. Посмотрев вверх, он заметил, что небо изменило свой цвет. Нужно было торопиться, ведь приближалось время начала новой смены. Как только он зашел в помещение тюрьмы, то с удивлением заметил, как туда же через другую дверь входит господин Лю – главный управляющий тюрьмами. Е Сяотянь быстро остановился и поприветствовал господина Лю еще издали.

Главного управляющего тюрьмами звали Лю Юн. Ему было 50 лет. Он обладал лицом с красноватым оттенком и небольшим ростом. Но несмотря на недостаток роста, сложением он отличался довольно крепким. Одет господин Лю был почти также как и Е Сяотянь, но костюм главного управляющего был другого цвета. Кроме этого, их одеяния различались тем, что Лю Юн на спине носил красный символ «□» [2], хорошо выделявшийся на его черном облачении.

Позиция управляющего тюрьмами соответствовала младшему государственному чину 9-го ранга[3]. Не смотря на то, что это был не самый высокий пост, все-таки это он относился к государственной службе. Более того, господин Лю выполнял административные функции в Черном слове. Этот человек не любил бросать слова на ветер и всем своим видом излучал строгость и невероятное презрение.

Е Сяотянь вежливо улыбнулся, «Приветствую Главный управляющий Лю».

«Хм».

Лю Юн фыркнул, увидев коробку с едой в руках Сяотянь. Он знал о том, как начальник тюрьмы получал свой дополнительный доход. Тем не менее, каждый месяц все тюремщики выражали ему свое уважение через подарки. Поэтому Лю Юн предпочитал не обращать внимания на подобные безобидные делишки своих подчиненных.

Главный управляющий Лю сказал, «Ты вернулся как раз во время. На кухне только что приготовили вино и мясо. Немедленно принеси их Ян Линь».

Е Сяотянь растерянно спросил, «По какой непостижимой причине Ян Линь присылают еду сейчас? Ах? Неужели по его делу вынесено окончательное решение? И теперь... Теперь его собираются отправить на рынок?»[4]

С тех пор как Е Сяотянь занял место своего отца, он уже потерял счет тому, сколько раз ему приходилось приносить мясо и вино заключенным. Правда, в большинстве случаев провинившиеся чиновники сами оплачивали эти кушанья. И только пять раз подобное угощение означало, что чья-то жизнь вот-вот должна оборваться.

Лю Юн не ответил и даже едва взглянул на своего подчиненного перед тем как уйти. На мгновение Е Сяотянь застыл, потеряв дар речи. Затем он слабо покачал головой и отправился дальше вглубь тюрьмы Черное Слово.

Е Сяотянь передал помощнику министра Хван еду и вино, которые тот просил. После этого он повернулся и медленно подошел к камере Ян Линь и увидел, что узник сидит на земле, скрестив ноги. В руках у него было несколько камней, которые тот бросал перед собой. Он что-

то бормотал, глядя на то как камни падают на землю. Судя по всему он гадал, используя Фу Цзи и Цзин.[5][6]

Е Сяотянь резко позвал его, «Господин Ян».

Ян Линь поднял голову и увидел начальника тюрьмы. Сразу же забыв о своих камнях, он подошел поприветствовать Сяотянь, которого со смехом спросил, «Кажется братец заинтересовался западной астрологией. Ты хочешь, чтобы старик продолжил вычислять твое будущее?»

Е Сяотянь улыбнулся и ответил, «Конечно! Но использовать эту сомнительную штуку, которую придумали люди с запада, чтобы просчитать мою судьбу, все-таки странно. Господин Ян, почему бы вам просто не посмотреть на меня?»

Каждый раз, как узнику выпадал шанс продемонстрировать свое мастерство, он становился невообразимо счастливым, и, конечно же, сразу согласился прибегнуть к физиогномике. Из-за деревянной ограды, Ян Линь долгое время пристально рассматривал Е Сяотянь. После этого, потеряв ладони, он со вздохом произнес, «Братец, твой скелет очень необычен, у тебя зловещие красные губы, большие глаза и утонченные брови, которые могут предвещать только изобилие и богатство...»

«Да?» Е Сяотянь провел рукой по поднявшейся брови.

Ян Линь продолжил, «По форме лба всегда можно понять насколько этот человек мудр и удачлив. Твой лоб высокий, плоский и большой. Поэтому, ты должен обладать мудростью и развитым интеллектом. Через несколько лет у тебя будет большое состояние. Нос рассказывает о богатстве и любовных делах. У тебя прямой нос, ровно соединяющийся со лбом. Это значит, что через несколько лет деньги потекут к тебе рекой, а окружать тебя будут соцветия персика».

«Такие слова... Ты говоришь серьезно?» сказал Е Сяотянь широко улыбаясь. Добрые слова Ян Линь были тем, что каждый бы хотел услышать. Даже зная, что это предсказание неправда и никогда не сбудется, Е Сяотянь дотронулся до своего носа и неожиданно почувствовал, что он действительно хорош собой.

Ян Линь строго сказал, «Конечно же я говорю серьезно! Правда заключается в том, что твой успех среди женщин отражен в глазах. Хотя они и не похожи на персиковые цветки, но их форма очень близка к ним. А что касается твоего носа, то он выглядит одновременно хрупким и внушительным, прямым и говорит о твоей щедрости. Все эти черты объединяются в тебе... Хехехе! Большой успех у женщин требует и немалого здоровья, как думаешь?»

«Хм... Да, это звучит вполне разумно». На всем белом свете едва ли найдется хоть один мужчина, который усомнился бы в собственной привлекательности. Так и Е Сяотянь сразу же согласился со словами Ян Линь, но все-таки в его взгляде еще оставалась тень недоверия. Было проблематично разоблачить этого старого шарлатана здесь и сейчас.

Ян Линь погладил свою редкую бородку и неторопливо продолжил довольным голосом «У тебя широкий гладкий и блестящий офрион. Добавь к этому пару живых глаз с приподнятыми уголками. Люди, наделенные такими чертами, с легкостью справляются с любой работой. Более того, уши у тебя большие и тонкие, они имеют четкую форму и отличаются светлым глянцевым оттенком. Но вот мочки ушей толстые. Это определенно внешность человека, которого ждет большая удача. Твои губы красные, а зубы белые, губной желобок глубокий и широкий. Ты обязательно выйдешь замуж за хорошего человека и родишь ему много сыновей,

а еще...»

Е Сяотянь воскликнул с застывшим выражением лица, «Выйду замуж и рожу сыновей?!»

Ян Линь быстро затараторил, «Это ошибка, ошибка! Я имел в виду, что если бы ты был женщиной, то твоя внешность бы означала такую судьбу, но ты же родился мужчиной. Так что твоя внешность предвещает огромное богатство. Хехехе! Братец, ты благословлен тремя звездами! Это богатство, положение в обществе и долголетие. Все будет сбываться, чтобы ты не пожелал».

Е Сяотянь едва сдержался от того, чтобы громко не расхохотаться, и спросил с нескрываемой иронией, «Господин Ян, я хочу поаплодировать вашим превосходным навыкам льстеца. Три звезды... Богатство, положение в обществе и долголетие.[7] Ах! Я по прежнему лишь тюремщик, и с чего бы кому то меня уважать?»

Волосы на голове Ян Линь, или скорее то, что от них осталось, неожиданно затряслись, когда он гневно закричал, «Чушь! Какой еще великий льстец? Это все написано на твоём лице. Позволь тебе напомнить, что я Ян Линь, министр иностранных дел. Многие высокопоставленные чиновники и авторитетные персоны должны были склонять свои головы, увидев меня, падать передо мной на колени. Неужели есть хоть какая-то необходимость для такого человека как я просить милостыню у незначительного маленького тюремщика?»

Е Сяотянь поднял палец и показал внутрь камеры, «Господин Ян, вам пора проснуться. Сейчас вы находитесь в положении обычного заключенного. Кроме того, герои не говорят о былой славе».

Прямые редкие пряди седых волос внезапно опустились и мягко легли на голову. Это было похоже на антенну утомленного сверчка, потерявшего волю к борьбе. Ян Линь злобно ответил, «Пусть я и обычный заключенный сейчас, но в детстве я старательно изучил Книгу перемен и могу считаться экспертом в физиогномике!»

Е Сяотянь с улыбкой произнес, «Хорошо! Так продолжайте же говорить слова удачи! Сяотянь поверит каждому слову господина сегодня. Сейчас же я пойду и куплю немного мяса и вина, чтобы угостить вас. Считайте это платой за ваши добрые предсказания».

Ян Линь очень удивился, услышав то, что сказал Е Сяотянь, хоть тот и не в первый раз выражал свою благодарность. И не успел Е Сяотянь сделать и несколько шагов, как неожиданно Ян Линь бросился на деревянную решетку, схватился за нее и прокричал, «Е Сяотянь, стой на месте!»

Е Сяотянь медленно остановился и обернулся назад. Легкая улыбка еще не успела сойти с его губ. Ян Линь крепко держался за прутья решетки и пристально смотрел на тюремщика. Затем он тихо произнес, «Последний обед! Это что последний обед для старика?»

Правая бровь Е Сяотянь медленно поднялась, но сразу вернулась на место. Улыбка медленно пропала с его губ.

Ян Линь заметил перемену и горько усмехнулся. Его большие, но истощенные руки еще крепче сжали прутья. Казалось, что на него давили 30 тысяч цзиней камней, заставлявших его тело медленно, сантиметр за сантиметром, опускаться вниз, пока он наконец не оказался на земле. Узник хрипло пробормотал с невеселой улыбкой, «Мое время... все-таки настало...»

Е Сяотянь медленно вернулся. Он посмотрел на Ян Линь сквозь пространство, отделявшее его

от тюремной двери, и покачал головой. Тюремщик чувствовал жалость к старику и сказал ему, «Господин Ян, почему бы вам не открыть свое сердце и помыслы и не насладиться вашим последним обедом? Не нужно задумываться».

Ян Линь печально произнес, «Всю жизнь я делал только три вещи: обманывал себя, обманывал других и становился жертвой обманов. Теперь я умру. Но стрик невиновен. Я отказываюсь становиться блуждающим призраком!»

Е Сяотянь беспомощно покачал головой. Он хотел уйти и уже повернулся, чтобы сделать это, но вдруг Ян Линь бросился вперед. Он протянул свою тонкую изможденную руку через решетку камеры и успел схватить Сяотянь за лодыжку. Его ввалившаяся щека была плотно прижата к забору, но все же старик смог прокричать: «Не уходи! Старику нужна твоя помощь в одном важном деле!»

Е Сяотянь пытался силой вырваться, но хватка Ян Линь оказалась неожиданно крепкой. Невозможно было понять, откуда у старика столько сил, чтобы так упорно держать ногу тюремщика. Все попытки освободиться, которые предпринимал Е Сяотянь, оказались совершенно бесполезными.

Он нахмурился и медленно сел на корточки. Постепенно его глаза приобрели холодное выражение. «Господин Ян, разве мы хорошо знакомы друг с другом? По правде сказать мы же совсем чужие, даже не родственники, а дружба между нами совершенно невозможна! Я всего лишь незначительный маленький тюремщик. Пока это в моих силах, я стараюсь облегчить вашу жизнь здесь. Но я никогда не соглашусь сделать то, что выходит за пределы моей власти!»

Голос Е Сяотянь был нежным и тихим, но тон, с которым он говорил, не оставлял иллюзий. «Когда мой отец передал эту железную чашу с рисом мне, он подарил мне еще несколько мудрых слов – «Подчиняйся правилам». Со времен династии Юань мы, семья Е, всегда были тюремщиками Министерства юстиции. Даже после завершения времен династии Юань, на смену которым пришло правление императора Хуну, наша семья продолжала служить в Небесной тюрьме в качестве тюремщиков. Пока мы не делаем ошибок и не создаем неприятностей, члены нашей семьи продолжают есть рис из этой железной чаши».

Уголки губ Е Сяотянь неосознанно чуть приподнялись, выдавая его усмешку. То, что нам досталось – это скромная работа. Грубо говоря, если однажды Великая династия Мин будет свергнута, а члены императорской семьи лишатся своих голов, мы, низшие служащие, выполняющие дешевую работу, вряд ли сильно пострадаем. Разве найдется хоть один правитель, которому не понадобятся наши услуги? Мы, как и раньше, будем есть рис из этой железной чаши. Господин Ян, я очень переживаю за свою железную чашу, даже если для таких благородных людей как вы, моя работа и жизнь не стоит ничего. Я прошу вас дважды подумать перед тем, как пытаться разбить мою железную чашу».

Ян Линь хрипло рассмеялся прежде чем сказать, «Тебе нечего бояться. Ты думал, что я попытаюсь заставить тебя отпустить узника на свободу? Даже если ты и согласишься, то хватит ли твоей власти для этого? Я просто хочу... хочу, чтобы ты помог мне передать одно сообщение. Если ты согласишься, то старик хорошо тебя вознаградит».

Е Сяотянь покачал головой. Даже не спросив, что это за награда, он отказался без малейших колебаний. «Господин Ян, разве вы не слышали о правиле, которое запрещает тюремщикам вступать в сговоры с осужденными, даже для того, чтобы передать обычное сообщение. Если кто-то на этом попадется, то сам станет преступником».

Ян Линь впал в отчаяние, «Я точно знаю, что сейчас все от меня отвернулось, и у меня не осталось союзников. Так с кем же мне вступать в сговор? Я лишь хочу, чтобы ты передал сообщение для моей семьи. Более того, можешь сделать это после моей смерти. Это.. это не может быть расценено как нарушение закона, не так ли?»

Е Сяотянь пристально на него посмотрел и сказал, «Только это?»

Ян Линь энергично закивал, «Да! Только это!»

Е Сяотянь вздохнул, а затем резко спросил, «Говорите будет большая награда? Что это будет?»

Ян Линь закрыл глаза, перед тем как ответить, «Ну... Награды в 50 талей серебра будет достаточно?»

«50 талей?»

Глаза Е Сяотянь засияли и выражали полное согласие, «Господин Е Сяотянь, какими бы ваши последние слова не были, вы можете сказать их мне сейчас!»

Примечания:

[1] □ («тянь» для «добавленный»); □ («тянь» в значении «рай» или «небо», может также означать слово «день», но не в этом контексте)

[2] Символ □ имеет очень много значений, но здесь используется как часть системы Небесных или райских стеблей. Такие знаки можно сравнить с римскими цифрами (I, II, III, IV, V). В Древнем Китае, начиная с времен династии Шан, Небесные стебли применялись в соответствии с Земными ветвями. Все вместе это образовывало шестидесятидневный цикл, представлявший собой один из видов календарей, применявшихся в Китае.

[3] В Китайской империи использовалась девятиступенчатая система рангов для определения важности и положения государственных служащих. 9-й ранг самый низкий, а 1-й соответственно самый высокий. Каждый ранг подразделялся на еще два, но между 4-м и 9-м рангами добавлялось еще две подгруппы. В общей сложности получалось 30 категорий госслужащих. Как видно, точно определить ранг управляющего Лю текст не позволяет. Он мог иметь либо самый низкий либо предпоследний ранг по такой шкале.

[4] Преступников лишали головы на рынке перед толпой людей (Я не шучу, я бы даже захотел купить арбуз, посмотрев чью то казнь.)

[5] В китайской мифологии, Фу Цзи Фуцзин был первым императором и мужем Ньюы, которая была его сестрой-близнецом. Его можно сравнить с Зевсом, но только огромного количества любовных связей в этом мифе нет. Его история более приближена к реальности, чем рассказы о Зевсе. Считается, что именно он написал Книгу перемен.

[6] И Цзин также известная как Книга перемен упоминалась в сноске из предыдущей главы. Здесь сноска указывает только, чтобы обратить внимание читателя на тот факт, что у книги много разных имен.

[7] Имеются в виду три звезды в созвездии Ориона. Для китайцев они означали три божества: богатства, положения в обществе и долголетия.

<http://tl.rulate.ru/book/4997/97510>